

## К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

### ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

© 1999 г. М. Няголова

Канд. психол. наук, гл. ассистент кафедры психологии Университета Велико Тырново, Болгария

Творчество С.Л. Рубинштейна является одним из самых ярких проявлений психологической мысли двадцатого столетия.

В современных советологических исследованиях все чаще его имя связывается с гуманистическим направлением российской психологии советского периода. Красноречиво в этом отношении звучит заключение американского ученого Л. Грэхэма о том, что “одним из наиболее наглядных примеров, иллюстрирующих жизнеспособность советских ученых перед лицом величайших препятствий, вставших перед ними, является творчество С.Л. Рубинштейна” [11, с. 180].

Почти сразу же после выхода “основ общей психологии” (1940 г.) болгарский психолог Спиридон Казанджиев – автор единственного систематического труда по психологии в Болгарии, ставит это сочинение Рубинштейна наряду с самыми известными работами таких мировых имен как В. Вундт, У. Джеймс, Т. Рибо, Е. Титченер [12, с. 111].

Однако история рубинштейноведения, за исключением книги швейцарского ученого Т. Пейна [1968], как-будто исчерпалась рамками российских исследований. Из этого, по-видимому, и проистекают особенности интерпретации трудов Рубинштейна, ограничивающихся пониманием истоков его научных взглядов лишь в их отношении к марксизму.

По этим причинам нам представляется: уже пора обратить внимание на историю формулирования известного рубинштейновского принципа единства сознания и деятельности с целью выяснения – насколько он проистекает из теоретических положений марксизма и в чем, на самом деле, состоит его “марксоидность”, а также “марксоидность” всего творчества С.Л. Рубинштейна, по словам М. Розина [18].

**1. Этическое понимание принципа единства сознания и деятельности.** Как известно, первая формулировка этого принципа относится к 1922 году, когда была написана статья “Принцип творческой самодеятельности” [2]. В этой статье Рубинштейн пишет, что “на основе творческой самодеятельности субъекта современная педагогика

стремится построить процесс приобретения знания, и всю систему образования” [23, с. 433]. В процессе приобретения знания субъект не только учится, но и формируется как нравственная личность, он определяет свои собственные эстетические критерии [там же]. Таким образом, собственно психологическая интерпретация изучения проблемы субъекта не отделена от этической, педагогической и социологической. Рубинштейн рассматривает становление субъекта в процессе реализации субъективного познания и знания [23, с. 434–435], в связи с чем и обсуждается проблема соотношения субъекта и бытия. Знание – это не простая рецептивность, а познание бытия с позиции творческого отношения каждого субъекта, каждой личности к нему. Мысль Рубинштейна о том, что “объективное не то, что дано, а то, что завершено” [23, с. 436], находит свою последующую разработку в его последнем произведении “Человек и мир”, где он защищает онтологическое понимание человека не только как субъекта познания, но и как субъекта нравственного и эстетического.

В статье “Принцип творческой самодеятельности”, однако, еще нет такого развернутого обсуждения всех этих проблем, которое мы находим в работе “Человек и мир”. Подзаголовок статьи “К философским основам современной педагогики” напоминает, что основной акцент ставится на методологию педагогики. Если мы абстрагируемся от общепсихологического и общепсихологического контекста статьи Рубинштейна и проанализируем ее с точки зрения истории педагогических идей, то нетрудно будет заметить, что она очень близка по своей проблематике проблемам книги П. Наторпа “Социальная педагогика”.

Формулируя идею о том, что “человек действительно микрокосмос, мир в миниатюре, как бы сконцентрированный в одном пункте”, Наторп считает, что конкретность человека состоит в его активности, деятельности, в его работе [25, с. 559]. Согласно Наторпу, в “человеческой активности преобладающим оказывается направление к работе... Жить значит быть деятельным, а деятельность требует какого-нибудь дела, в кото-

ром бы она проявлялась” [14, с. 138]. Развивая свою концепцию о трех ступенях активности и о трех формах социальной деятельности, Наторп вводит два понятия “образующая деятельность” и “самодетельное созидание”, при помощи которых развивает свои взгляды об образовательной деятельности как “общности учащего и учащегося” [14, с. 80–83].

В самом начале рассматриваемой статьи Рубинштейн специально подчеркивает положительные идеи сократовско-платоновской педагогики, считая, что на основе развития этих идей должна созидаться современная педагогика. В этом отношении он следует традиционной ориентации Когена и Наторпа на разработку идей Платона. Уместно напомнить, что именно Наторп является автором работы “Учение об идеях Платона. Введение в идеализм” [25, с. 559]. Идею о социальной педагогике Наторп выводит из диалогической формы общения в школе Сократа. По его словам, “Платон не мог представлять себе развитие познания иначе, как в форме взаимного обмена, в форме беседы” [14, с. 84].

Рубинштейн подходит исключительно оригинально к обоснованию своей идеи о содержании процесса учения согласно “Диалогам” Платона. Выходя за рамки их традиционной интерпретации, исчерпывающей обычно выводом, что познание дано (Фэдон), Рубинштейн находит в текстах “Федры” и “Театета” подтверждение своему пониманию учения как совместного исследования: “вместо догматического сообщения и механической рецепции готовых результатов – совместное прохождение того пути открытия и исследования, который к ним приводит” [23, с. 433].

Несомненно, что этой статьей Рубинштейн присоединяется к новой и исключительно сильной тенденции в психологии и педагогике XX века: идея о пассивном освоении знания со стороны субъекта заменяется идеей о его активности. Формулируя задачи педагогики, Рубинштейн уделяет специальное внимание двустороннему характеру творческого процесса: “Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодетельности не только обнаруживается и проявляется; но в них созидается и определяется” [23, с. 438].

Именно эта формулировка Рубинштейна и послужила поводом отнести начало его субъектно-деятельностного подхода к 1922 г.

В 1994 году, однако, была опубликована его статья “О философской системе Г. Когена”, написание которой датируется О.Н. Бредихиной 1918-м годом. В тексте данной статьи нетрудно обнаружить те же самые выводы Рубинштейна, высказанные в “Принципе творческой самодетельности”. Он приводит цитату из “Этики чистых желаний” Когена о том, что этический субъект может мыслиться только как задача, но ни в

каком случае не как психический источник, или очаг, или какая-либо сила психического субъекта [22, с. 250], и тут же подчеркивает: “Итак, этический субъект не есть данность, наличная до своих этических деяний, и значит... он в них возникает и порождается. Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и тем самым осуществляется” [там же].

Из этого видно, что основную идею о творческой самодетельности субъекта Рубинштейн начинает развивать не с 1922 г., как считалось до недавнего времени, а с 1918 г. Она получила вдохновение не из психологии, а из этики и педагогики Г. Когена и П. Наторпа. Учитывая факт, что в Марбургской школе педагогика является не самостоятельной наукой, а “прикладной философией” [9, с. 29], и что, по Наторпу, педагогика – это этика образовательной деятельности, можно сделать вывод, что в своих первых работах Рубинштейн следует идеям Марбургской школы и развивает их.

Обсуждая два основных аспекта творчества Когена – теорию познания и этику, Рубинштейн, вслед за ним, а не за Марксом или кем-то из других классиков философии, пишет: “Центральная проблема этой этики – человек... Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на вопрос: на сократовский вопрос: что такое человек?... в терминологическом выражении Когена, этика “порождает” человека” [22, с. 246–247].

По словам Рубинштейна, именно Коген реформирует кантовское понятие автономии и определяет отношение этического субъекта и нравственного деяния [22, с. 249]. Само понятие деяния как у Когена, так и у Рубинштейна, имеет прежде всего этический смысл. Рубинштейн специально отличает его от понятия действия, указывая, что “этическое деяние существует только в отношении к человеку как к личности, а отношение к вещи есть лишь действие, есть лишь какой-нибудь физический или психический акт, но не деяние” [22, с. 252]. Проблема отношения субъекта и объекта так же получает свое объяснение в ходе сопоставления этих ранних статей Рубинштейна, а также и проблематики его докторской диссертации 1913 г., с теорией познания и этикой Г. Когена и П. Наторпа.

Из вышесказанного становится возможным сделать следующие выводы. Работы 1918–1922 гг. позволяют заключить, что Рубинштейн является хорошим учеником своих учителей из Марбурга – Когена и Наторпа. Одесский период его творчества продолжает то, что достигнуто ими в области философии. По-видимому, из-за этого Рубинштейн волновали прежде всего проблемы гносеологии, логики, этики и педагогики.

Теме его докторской диссертации предшествует проблематика этих двух статей Одесского периода. Между ними существует много общего. Т. Пейн заметил, что Рубинштейн был хорошо знаком с неокантианством, но и по философии Гегеля имел не поверхностные познания [26, с. 70]. Это обстоятельство Пейн объяснил единственно тем, что молодой Рубинштейн обладал большой личной эрудицией. К этому, бесспорно, правильному выводу можно добавить и учет специфической особенности Марбургской школы, принявшей в качестве отправного пункта своей теории познания диалектическую логику Гегеля [5, с. 29–45].

Не случайно и то, что в обеих статьях Рубинштейн применяет термин “субъект”, который отличается гносеологическим и этическим смыслом. Единство субъекта и его деяний, единство субъекта и его деятельности в данном случае является этическим принципом и только в этом своем качестве может иметь отношение к психологии.

В обсуждаемый период перед Рубинштейном еще не стояла задача ограничить свои научные исследования лишь областью психологии. Необходимо учесть и тот факт, что в Марбургской школе не существовала дифференциация наук, характерная для 30 и 40-х гг. Сам Рубинштейн указывает на это единство гуманитарного знания в немецкой науке в статье “Психология Шпрангера как наука о духе”: “Наука о духе – это, таким образом, термин, который приблизительно однороден термину “гуманитарные науки”. Он относится не специально к психологии, а к целому ряду наук” [21, с. 346]. К этому надо добавить, что занятия психологией в начале нашего столетия далеко не означали только экспериментирование или разработку частных проблем. Философское знание почти всегда включало и обсуждение методологических проблем психологии.

Генезис самого понятия деятельности прослеживается в больших философских работах. Оно – одно из основных прежде всего в словаре Гегеля, его можно найти также у Лейбница и Канта; Маркс разрабатывал это гегелевское понятие деятельности. В начале XX века данное понятие становится особенно актуальным в связи с новой научной тенденцией, рассматривающей человека как активного субъекта познания, знания и психики, в целом, в противоположность рецептивности – основному принципу XIX века [27, с. 200]. В “Принципе творческой самодеятельности” Рубинштейн уделяет этим тенденциям большое внимание.

Некоторые российские ученые (например, [4, 10]) считают, что проблема деятельности введена в науку в результате исключительного влияния марксистских взглядов, и что она существует *только* лишь в советской психологии. Однако по-

нимание мышления как деятельности встречается у Когена [5, с. 35], представителей Баденской неокантианской школы и немецкой имманентной философии.

Например, один из выдающихся европейских критиков диалектического марксизма, болгарский философ Димитър Михалчев, анализирует проблему мышления как деятельности еще в 1914 году. Далекий от всякой “марксоидности” Михалчев указывает, что введение понятия мыслительной деятельности оказалось необходимым для того, чтобы различать концепции, рассматривающие мышление как простое суммирование восприятий [13, с. 539] от тех, согласно которым в мышлении происходит переработка восприятий, полученных нами из внешнего мира. По словам Михалчева, “еще философы до Платона и Аристотеля понимали, что мышление является чем-то отличным от процесса восприятия и не исчерпывается даже представлением” [13, с. 532–533]. Наряду с этим Михалчев пишет о существовании другой тенденции в понимании мышления как деятельности, согласно которой “деятельность мыслящего духа состоит не во внесении (субъективных – прим. М. Н.) отношений, а в “созидании” чего-то нового, в сотворении мыслительного материала. Он находит эту вторую тенденцию еще у Платона, а затем и у рационалистов Нового времени [13, с. 539].

Марбургская школа неокантианства в некотором смысле совместила эти два аспекта понимания деятельности своими разработками по логике и этике. Ранние статьи Рубинштейна учитывают скорее проблемы, проистекающие из второй тенденции. Во всяком случае его понимание деятельности субъекта оказывается намного ближе к разработкам Марбургской школы, чем к пониманию деятельности по Марксу.

**2. Социологический аспект принципа единства сознания и деятельности.** В тридцатые годы, в условиях советской идеологии, идея активности не потеряла своей актуальности. Ее источник, однако, не выводится из природы субъекта, не связан с целями и влечениями творчески понимаемой личности. Эта активность находится в полной зависимости от общественных интересов, реализуемых государством. Ее акцент переносится на то, как лучше направлять конкретную личность в зависимости от требований политической власти. Все это так далеко от создания условий для развития творческой индивидуальности человека. Марксистско-ленинская идеология вводит и в гуманитарные науки политический смысл понятия деятельности, проистекающий, конечно, от будто бы “философского” истолкования “деятельности” Марксом. Как отмечает А.В. Петровский, “середина 30-х годов – это период “второй волны

репрессий ученых” и психологии пришлось принять тактику выживания” [17, с. 131–133].

В этих условиях Рубинштейн, конечно, не мог продолжать открыто придерживаться неокантианского понимания деятельности, а этика как научная дисциплина была среди запрещенных сталинским режимом [3]. В 1934 году была опубликована его первая статья, посвященная отношению учения Маркса к психологии. Это произошло, наверное, по двум, совсем не исключая друг друга причинам: с одной стороны, требований режима полного перехода всей научной интеллигенции России на “диалектикоматериалистические позиции” [17, с. 143–156] и, с другой, опубликования ранних работ Маркса, в которых преобладает социологическая проблематика [3, с. 443–444].

Работая преподавателем психологии в Педагогическом институте им. Герцена, Рубинштейн обязан учитывать именно марксово понимание деятельности, а также выразить свое отношение к наступающей волне “объективации” психологии, т.е. игнорирования субъектности человека и его исследования прежде всего в качестве объекта обучения и воспитания. Удивительно, что в этой очень тяжелой научной ситуации Рубинштейн подходит к максимальной степени творчества к применению марксовых идей.

В статье “Проблемы психологии в трудах Карла Маркса” Рубинштейн вскрывает гегелевскую концепцию субъекта (“для Гегеля субъект есть сознание или самосознание”, т.е. отождествляется личность и сознание) и противопоставляет ей Марксову (субъект это личность, “но сущность личности есть совокупность общественных отношений”) [20, с. 38–39]. В этой статье собственно психологический план обсуждения проблемы субъекта сосуществует с планом социологическим, который вполне естественен при обсуждении идей Маркса. Рубинштейн обсуждает скорее вопрос об участии человека, обладающего психикой, в реальном “процессе исторического развития”. Он рассматривает вопрос о том, как в рамках социологического подхода к деятельности можно понять предмет психологии, психику человека и личность. Если “деятельность” трактуется как общественно-полезный труд, то, по Рубинштейну, “продукты моей деятельности суть продукты общественной деятельности” [20, с. 26], поскольку конкретная личность существует исключительно в общественных условиях. И в этом аспекте понимания проблемы он считает, что идея формирования субъекта в деятельности не потеряла своего значения: “В объективировании, в процессе перехода в объект, формируется сам субъект” [20, с. 25].

В соответствии с социологическим пониманием деятельности, категория субъекта конкретизируется

на основе разработки проблемы личности.

Таким образом, Рубинштейн осуществляет своеобразную эволюцию: от идей Марбургской неокантианской школы к своей собственной, оригинальной концепции понимания человека и его изучения гуманитарными и социальными науками. Это действительно эволюция, а не отказ от идей Г. Когена и П. Наторпа, у которых отношение общества и индивида было разработано в разных аспектах, но не был обособлен специально социологический план исследования.

Статья 1934 г. свидетельствует о глубоком понимании учения Маркса. Интересно отметить, что в ней Рубинштейн предлагает выход из существующего психологического кризиса путем применения марксовых идей о деятельности. Очень важно напомнить, что Сергей Леонидович понимал деятельность как объективно существующее условие, в котором психика человека формируется и проявляется. При этом он рассматривал понятие деятельности не только как процесс труда, но также и как диалектику субъекта и объекта [20].

Если бытие понимается Марксом и Энгельсом как реальный процесс жизни людей, то вполне реально и правильно звучит и сегодня их определение, что “сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием”. Правильность этой формулировки усиливается и пониманием самого сознания в социологическом, а не в общепсихологическом и даже в общепсихологическом плане. Она не доказывает, что Маркс и Энгельс понимали отношения между сознанием и бытием как отношения между чем-то вполне идеальным и чем-то вполне материальным, подобно тому как на протяжении многих лет постулировалось это марксистско-ленинская идеология. На самом деле здесь идет речь об особенностях общественного существования человека, которые не могут сводиться полностью к гносеологическому пониманию отношений между бытием и сознанием.

Работа Рубинштейна “Бытие и сознание” (1957 г.) и есть обсуждение этой проблемы. И не только в плане гносеологическом, но и в плане психологическом. “Человек и мир”, по словам самого Рубинштейна, – продолжение обсуждения проблем, поставленных в “Бытии и сознании” – это переход к обсуждению проблем в плане философско-этическом. А как в данном плане обойтись без трансцендентности, но не к Богу, как считает Арсеньев [4], а человека к человеку. Нужно только вспомнить мысль Рубинштейна, высказанную еще в 1918 году: “В единстве Бога открылось им (еврейским пророкам) единство человечества. Через профетизм эта идея единого человечества становится достоянием культуры. Теперь она должна быть поднята в сферу фило-

софской этики и переведена в ней как ее основной принцип" [22, с. 253].

В этом контексте можно принять идею К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского о том, что Рубинштейн в российской науке советского периода проделал третий путь развития философии, не материализма и не идеализма [3, с. 439].

Единство человечества – это общественная жизнь, общество в целом, названное Сержем Московичи "машиной, творящей богов". В статье 1934 г. содержится хорошее основание для последних выводов А.В. Брушлинского и П.Н. Шихирева о том, что "нравственное есть сущность и *modus vivendi* социального, как всеобщей зависимости людей друг от друга. В свою очередь социальное изначально и потенциально этически" [8, с. 10].

На основе рассмотренного выше можно сформулировать следующие выводы:

принцип единства сознания и деятельности приобретает уже социологический смысл в статье Рубинштейна 1934 года. Этот принцип, как и в предшествующем периоде творчества Рубинштейна, является предпосылкой, ориентиром разработки всех проблем психологии, но сама его формулировка еще не имеет психологического смысла.

Применение социологических идей Маркса в некоторой степени помогло Рубинштейну игнорировать объяснение формирования психики по механизму интериоризации, в отличие от других психологов – например, Выготского и Леонтьева. В этом и состоит одно из его приоритетных достоинств, а не недостатков, как считает О.В. Гордеева [10, с. 14–19].

Учитывая прежде всего социологический аспект принципа единства сознания и деятельности, Рубинштейн обосновывает применение понятия личности в психологическом исследовании; с тех времен он все чаще употребляет термин "личность" вместо термина "субъект".

Рубинштейн называет проблему личности одной из центральных звеньев всей этой системы "психологических" идей Маркса [20, с. 37]. Вместе с этим он отмечает: "Но включение проблемы личности в психологическую проблематику, конечно, ни в коем случае не может означать ее психологизации. Личность не тождественна ни с сознанием, ни с самосознанием. Это отождествление, для Маркса, само собой разумеется неприемлемо" [20, с. 38]. И неприемлемо оно потому, что у Маркса понятие личности имеет социологический и только социологический смысл: "сущность личности есть совокупность общественных отношений" (цит. по [20, с. 39]). Рубинштейн специально не подчеркивает социологического понимания Марксом личности, но по существу он проводит разграничение психологического и социологического смысла этого понятия, отмечая, что "в

потребностях и способностях конкретизируется психологическая природа личности" [20, с. 43].

Итак, субъект формируется в своих деяниях, а личность – в деятельности. Не отказываясь от идущего от Марбургской школы этического принципа, Рубинштейн, на основе своего понимания Марксовой социологии, разрабатывает его в плане социологическом.

С этой точки зрения вполне справедливо звучит мнение, высказанное О.Н. Бредихиной: "тексты 30-х гг., посвященные Марксу, есть ни что иное, как анализ точек соприкосновения творческих систем К. Маркса и С.Л. Рубинштейна" [6, с. 66].

**3. Сознание как специфическая проблема.** Проблема разработки сознания в концепции Рубинштейна заслуживает специального внимания, так как она отличается большой многоаспектностью.

В "Основах общей психологии" (1940, 1946 гг.) он подробно анализировал филогенетическое развитие сознания и убедительно показал, что в плане филогенеза психики в эволюции человеческого организма невозможно свести психическое к "данным сознания", и что сознание оказывается результатом эволюции форм психики, связанных с определенными органическими предпосылками. Представляется несколько странным, что О.В. Гордеева видит в генетическом аспекте изучения сознания Рубинштейном проявление влияния марксовой идеологии [10, с. 18–19]. В связи с этим мнением приходится вспомнить слова самого Рубинштейна: "У нас встречается иногда взгляд, согласно которому генетическая точка зрения вообще, является специфичной для марксистско-ленинской психологии. Это, конечно, не так..." И он указывает на то, что эта линия исследования идет в психологии со времен Г. Спенсера, к ней обращаются также и антропологи [20, с. 31–36]. К этому можно только добавить: если было бы иначе, то вся генетическая психология в Европе оказалась бы марксистской.

Исследуя самосознание, С.Л. Рубинштейн указывает, что оно тоже является сознанием, но отличается особой направленностью. Если сознание направлено на объективный мир, то объектом самосознания является сама личность [24]. Его концепция существенно отличается от разработок этой проблемы рядом других европейских психологов. Например, французский психолог Анри Валлон считает, что начало формирования самосознания практически совпадает с началом формирования личности, в то время как, по Рубинштейну, самосознание является результатом формирования уже зрелой личности [15, 16]. Из этого можно заключить, что самосознание в концепции Рубинштейна не имеет узко психологического значения. Оно наполнено этическим содержанием. Кстати, таким пониманием отличается и

самосознание в концепции Марбургской школы. Наторп пишет, что “нет и не может быть самосознания без противопоставления и в тоже время положительного соотношения с другим сознанием; нет понимания самого себя, если нет основы понимания других... Каким образом мог бы я сам относиться к себе как к личности, если бы мне не противостояла ранее какая-нибудь личность, в которой я познаю другое “я”?” [14, с. 82].

В Московском периоде своего творчества Рубинштейн исследует процессуальный аспект проблемы сознания. Конкретизирует гносеологическую проблему в психологии. Проводит свое различие между гносеологическим и психологическим аспектами познания в целом [23].

В статье 1934 года Рубинштейн осуществляет первую встречу двух планов разработки проблемы сознания: психологического, идущего от традиционной интроспективной психологии и психологии поведенчества, и социологического, идущего от Маркса. Отмечая, что “объективность в психологии достигается не исключением психики, а принципиальным преобразованием концепции человеческого сознания и концепции человеческой деятельности” [20, с. 28], Рубинштейн исследует сознание в плане его историчности в соответствии с марксовской концепцией деятельности как труда [20, с. 31], т.е. рассматривает сознание в его общественном, а не психологическом аспекте. Этим можно объяснить и факт, что он уделяет большое место сопоставлению понимания сознания, проистекающее из концепции Маркса с социологическими разработками Дюркгейма, Леви-Брюля и т.д. Открыто об этом он не написал ни 1934 г., ни в последующие годы. И это объяснимо, если иметь в виду, что существовали политические запреты на социологию и социальную психологию [3], да и сам предмет психологии в Советском Союзе, начиная с 1930–1932 гг., официально трактовался как сознание [17]. Еще в этой статье и в статье 1941 года, посвященной идеям французской социологической школы, рубинштейновский анализ позволяет заметить, что “общественное сознание” и “индивидуальное сознание” – это не две реальности, объединяющиеся внешними отношениями друг к другу. Существует одно единственное сознание. Оно присуще человеку, и как таковое имеет два аспекта проявления: процессуальный (психический) и результативный (общественный). На наш взгляд, Рубинштейн часто писал через запятую “психика, сознание”, чтобы подчеркнуть особую важность этого второго плана – результативного.

Итак, в период 1934–1940 гг. Рубинштейн разбивает свою позицию о деятельностном подходе, которая существенно отличается от интериоризации субъектом внешних и, прежде всего, общественных отношений.

**4. Субъект психики и субъект деятельности.** На наш взгляд, статья “Мысли о психологии” (1940 г.) является тем произведением Рубинштейна, в котором он конкретизирует принцип единства сознания и деятельности применительно к предмету психологии. В данной работе он фактически впервые определенным образом специально указывает на необходимость различения социологического и психологического аспектов этого принципа.

Необходимо отметить, что еще до этого, в “Основах психологии” 1935 г. Рубинштейн приступил к разработке понятия действия в психологическом аспекте. Более подробно он разрабатывает проблему действия как имеющую психологический смысл в “Основах общей психологии”, основываясь на результатах уже проведенных под его руководством экспериментов. Исследуя подробно проблему мотивации и реализации волевого поведения, Рубинштейн обосновывает мысль, что такое поведение имеет индивидуально-личностный (в контексте развития структуры поведения) и общественно-личностный (проявление личности в разных видах деятельности) аспекты.

В “Мыслях о психологии” он уже специально подчеркивает, что деятельность не является предметом психологического исследования, но “сам субъект психики и его психические свойства проявляются и формируются в деятельности”, в результате чего “личность является сознательным субъектом практической и теоретической деятельности” [20, с. 100]. Это и позволяет ему дифференцировать значение понятия деятельности в психологии и определенным образом указать на необходимость различения деятельности в психологии и активности. “Деятельность, пишет Рубинштейн, не является в целом предметом психологии: предметом психологии может быть только ее психическая сторона. Всякая психология, которая понимает, что она делает изучает психику и только психику” [20, с. 99–100].

Анализ разных аспектов концепции Рубинштейна о развитии субъекта позволяет заметить, что “субъект психики” включает личностные, психические и индивидуально-психические особенности человека, а также его особенности в качестве организма.

Многое было сделано для разработки идей Рубинштейна в отношении между этими понятиями [1, 7, 28 и др.], поэтому мы не будем останавливаться специально на них. Отметим только, что последующее применение деятельностного подхода в психологических трудах Рубинштейна после 1945 года, или в период разработки деятельностно-процессуального подхода [3], осуществляется при учете различения смысла понятий субъекта психики и субъекта деятельности.

Нашей задачей было обратить внимание на то, что до конца 30-х гг. Рубинштейн выполняет свою роль методолога психологии, развивая принцип единства сознания и деятельности последовательно – в этическом, социологическом и психологическом планах. Его подход можно понять лучше, если вспомнить о взглядах Наторпа на методологическую роль философии. Он считает, что в “ходе доказательств, которым пользуется критическая философия, к логике в непрерывной связи примыкает этика, а только на последнюю должна опираться в своем обосновании педагогика воли. Правда, все это затем подлежит рассмотрению с психологической точки зрения, но такое рассмотрение – ...является производным: оно ничего не обосновывает, а, наоборот, для своего собственного обоснования требует, чтобы наперед были объективно установлены логические, этические и эстетические законы” [14, с. 48].

Из этого видно, что трудно понять концепцию Рубинштейна без историко-хронологического анализа преемственности его идей от Марбургского неокантианства. Наряду с этим, необходимо отметить, что если Е. Кассирер развил идеи этой школы в направлении культурологии, то Рубинштейн сделал это в области психологии. В своей психологической концепции он шел намного впереди по сравнению с взглядами неокантианцев на психологию, в частности, Наторпа.

С этой точки зрения споры в российской психологии о том, кто среди крупных психологов советского периода является пионером, родоначальником или вообще создателем деятельностного подхода в психологии, теряют свой смысл.

Именно Рубинштейн с 1918 года разрабатывал принцип единства сознания и деятельности в качестве подлинного методологического подхода в отношении психологической проблематики, и этим он принципиально отличается от всех своих современников, только упоминавших “деятельность” в ходе проведения своих частных исследований.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
3. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Основные этапы развития концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
4. Арсеньев А.С. Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 43–68.
5. Богомолов А.С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М., 1969.
6. Бредихина О.Н. С.Л. Рубинштейн: загадка жизни и творчества // Современная психология: исторические, методологические и социокультурные аспекты развития / Под ред. В.А. Кольцовой и Ю. Олейника. М., 1995.
7. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
8. Брушлинский А.В., Шихирев П.Н. О пользе вечных истин // С. Московичи. Машина, творящая богов. М., 1998.
9. Буржуазная педагогика на современном этапе / Под ред. З.А. Мальковой и Б.Л. Вульфсона. М., 1984.
10. Гордеева О.В. О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии (на материале трудов С.Л. Рубинштейна) // Вестник МГУ. Психология. 1997. № 3. С. 12–21.
11. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе. М., 1991.
12. Казанджиев С. Общая психология. С., 1946.
13. Михалчев Д. Форма и отношение. С., 1914.
14. Наторп П. Социальная педагогика. С.-Петербург, 1911.
15. Няголова М.Д. Структурно-генетический подход к изучению психики в трудах А. Валлона и С.Л. Рубинштейна // Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994.
16. Няголова М. Съзнанието и самосъзнанието в трудах на А. Валон и С. Рубинщайн // Трудове на ВТУ “Св. св. Кирил и Методий”. Педагогически факултет 1990–1991. 1996. № 3. С. 217–239.
17. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994.
18. Психология и новые идеалы научности (круглый стол) // Вопросы философии. 1993. № 5.
19. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
20. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
21. Рубинштейн С.Л. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
22. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник. 1992 г. М., 1994.
23. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1998.
25. Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3.
26. Payne T.R. S.L. Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology. Dordrecht, 1968.
27. Piaget J. Psychologie et pedagogie. Paris, 1976.
28. Vasilev D. On the understanding of the psychic structure of Man / Personality Psychology in Europe / eds. Han Bonarius, G. Van Heck, N. Smid. Lisse, 1984.
29. Vasilev D. The Crisis in Psychology and Its Russian Dimensions / Post-Soviet Perspectives on Russian Psychology / Eds. A. Gilgen, C. Gilgen, V. Koltsova, Y. Oleinik. Greenwood Press, 1996.

## ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

### ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА МЕТОДОМ АНАЛИЗА ХАРАКТЕРИСТИК МЫСЛИ И ОБРАЗА\*

© 1999 г. Т. Н. Березина

Канд. психол. наук, доцент Института современного бизнеса, Москва

Предлагается оригинальный подход к описанию психических состояний человека на основе разработанного автором метода анализа формальных характеристик мышления. Изучены пространственно-временные характеристики мысленных образов и определены местоимения, употребляемые во внутренней речи по отношению к себе (*я* или *ты*) и к другому (*я*, *ты*, *он/она*, *имена*). С помощью факторного анализа выделено семь различных состояний, часто наблюдаемых у испытуемых студенческой выборки: самовыражение эго (размышление о себе в настоящем времени), размышление о другом, фиксация на себе с преобладанием необъективированных мысленных образов, планирование будущего, фиксация на препятствии (чувство одиночества), чувственное наслаждение миром, фантазии. Показана возможность перехода психологической информации из образной сферы в вербальную и наоборот. Предложено существование наряду с дивергентным мышлением дивергентного чувствования.

**Ключевые слова:** психические состояния, мышление, внутренняя речь, местоимения, мысленные образы.

Внутренний мир человека – одна из самых сложных, плохо поддающихся определению категорий психологии, поскольку трудно выразить все многообразие субъективной психической реальности в рамках какой-то одной теории.

С одной стороны, автор данной работы придерживается точки зрения В.Н. Дружинина, предложившего категорию “внутренний мир субъекта” и разделяет его мнение о выделении четырех составляющих психического. Это – сознание, регулирующее поведение; подсознание, также регулирующее поведение; бессознательное, никак не проявляющееся в поведении; и **внутренний мир субъекта**. По определению, “внутренний (не проявляющийся непосредственно в поведении) субъективный мир – это все богатство мыслей, образов, чувств, грез, сновидений, которые даны только переживающему их индивиду. Единственный источник и получатель знаний о них – сам человек. Другие должны принимать на веру его самоотчет” [17, с. 111]. С другой стороны, автор разделяет взгляды исследователей, подчеркивающих социальность психики (К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Мясищев, Г. Салливан). Создатель межличностной теории психиатрии Г. Салливан утверждал, что социальны все психические процессы, а личность формируется преимущественно в ходе межличностных психических событий [28]. При этом внутренний мир индивидуума закономерно включает в себя образы других людей и

проявляется, главным образом, во взаимодействии с ними. Эти другие не обязательно должны быть реальными людьми, они могут быть литературными героями, далекими предками или нерожденными потомками; “даже сновидения межличностны, так как обычно отражают отношения сновидца с другими людьми” [22, с. 166]. Согласно К.А. Абульхановой, внутренняя жизнь личности строится на основе трех видов отношений: к себе, к другому и ожидаемых отношений других к себе [1].

Таким образом, внутренний мир, все богатство мыслей и чувств индивида, с одной стороны, субъективен, поскольку принадлежит только тому, кто их переживает, а с другой – социален, поскольку включает в себя (в мысли, чувства, фантазии) образы других людей.

Кроме того, внутреннюю жизнь человека связывают с течением психических процессов. При этом и само психическое есть процесс (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский), и, в свою очередь, все психические процессы в совокупности образуют внутренний мир личности. Наиболее важными здесь являются процессы мышления. Рубинштейн выделял абстрактно-теоретическое и наглядно-образное мышление, полагая их компонентами единого мыслительного процесса: “...не только понятие, но и образ выступают на всяком, даже самом высшем, уровне мышления” [19, с. 390]. Так, выделяются две важнейшие составляющие психического – мысль и образ, единство которых определяет многообразие внутренней жизни.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код 97-06-08089).